В мастерской художника

Тысяча и один портрет Ильи Глазунова

Веч. Москва. – 1995. – 16 сент. – с. 5.

— Сколько написали вы за свою жизнь портретов, Илья Сергеевич?

— Тысячу, — недолго думая, ответил Глазунов.

—Значит, вместе с моим получается тысяча и один портрет, — произвел я несложный подсчет, когда художник заканчивал над ним работу. В мастерской, в башне Калашного переулка, запахло лаком. Взяв баллончик, нажав на головку распылителя, мастер покрыл холст пленкой. Маленькой кисточкой поставил магнетизирующую точку сначала на один, потом на другой мой глаз, капнув «витамины жизни», как он выражается, в исполненный образ. Затем на оборотной стороне холста красной краской расписался: «И. Глазунов», поставив дату: «1995». Все. Сеанс окончен.

Наступили сумерки. Художник не спешил вставать с кресла, рассматривая, что у него вышло. И я сидел молча, продолжая мысленно считать и рассуждать. Если, допустим, пишет он с 1948 года, именно этим годом датируется портрет учительницы Трубчевской, представленный в двухтомнике репродукций, то выходит, что в год производится всего по 20—25 работ. Не может такого быть, слишком мало! Глазунов рассказывал мне, что всего за два часа однажды нарисовал Джину Лоллобриджиду и трех других знаменитых итальянцев, нежданно-негаданно явившихся к нему домой во время Московского кинофестиваля. То есть, исполнил сразу четыре графических портрета. Когда иностранцам удалось заполучить молодого художника в Италию, то там он писал, не уставая, день за днем, создал галерею, цикл образов знаменитых итальянцев.

Сколько таких циклов (а в каждом десятки рисунков и этюдов, картин и портретов) появилось в дни поездок во Францию, Испанию, Швецию и другие европейские страны, командировок во Вьетнам, Лаос, в латиноамериканские государства, после пребывания на Байкало-Амурской магистрали, в Сибири и на Дальнем Востоке... Глазунов легок на подъем.

Я не стал нарушать тишину мастерской, уточнять. Мне без этого стало ясно, что исполнил живописец множество портретов, образно говоря, тысячу. Это число растет постоянно, потому что художник продолжает дело, не надоевшее и в 64 года. Пишет портреты постоянно, не может не писать. Передо мной позировала молодая, красивая и очень деловая женщина, одна из тех, кто сегодня правит в экономике. До нее приходили люди, часто появляющиеся на экране телевизора. Одни, как она, сами проявляют инициативу и заказывают портреты. Других Глазунов приглашает, как меня. Я думал, что высказанное им при первой встрече пожелание — сделать мой портрет — дежурная фраза, знак вежливости, пока не пришел в назначенное мне время и не оказался перед объективом. Мастер посадил меня в антикварное кресло, придал позу, в которой решил запечатлеть, после чего были сделаны снимки. Не цветные, черно-белые. Зачем? Фотографии играют роль болванов, манекенов, применявшихся с давних пор живописцами Европы. На этих болванов надевали одежду и, имея перед глазами эту натуру, выполняли предварительную работу, прописывали платья и костюмы, обувь, наносили контур фигур, лиц, создавали композицию. Таким образом, сокращали время позирования, поскольку художникам часто приходилось иметь дело с важными персонами, титулованными особами. У них время и в век Веласкеса ценилось дорого.

Портрет жены

ПРЕЖДЕ чем прийти в мастерскую, я перелистал два тома репродукций, изданных в 1992 году, и увидел, что среди нескольких сотен представленных работ — львиная доля падает на портреты. Мне показалось, что год 1956-й следует считать годом рождения Глазунова как художника самобытного, ни на кого не похожего, чьи произведения даже неспециалист может определить с первого взгляда. Этим годом помечена серия иллюстраций к сочинениям Достоевского, представленная на первой выставке в Москве, которая так поразила современников, приковала к нему постоянное внимание критики и зрителей.

Под номером один предстает в двухтомнике портрет писателя на фоне Санкт-Петербурга. Под номерами два, три, четыре следуют портреты Рогожина, Настасьи Филипповны и князя Мышкина, персонажей «Идиота». Их лица поданы крупным планом, его художник любит по причине, давно сформулированной в словах: лицо — зеркало души. Она-то, душа, волнует, вдохновляет. Художник как азартный охотник стремится попасть в цель, уловить характер модели, проникнуть в глубины души, угнаться за тайной мыслью, добиться при этом абсолютного сходства портрета с натурой. Еще я увидел на репродукциях, как много красивых женщин запечатлел Глазунов, иллюстрируя классиков. Наверное, только такими и могли они быть, иначе бы не вдохновили писателей создать великие романы и поэмы XIX века, сделавшие русскую литературу великой, общепризнанной в мире, вершиной человеческого духа.

Глазунов хорошо помнит, что после чтения «Бесов» не мог спать по ночам. Рассуждения Шатова о самоубийстве, что он выше Бога, потому что может сам себя убить, поразили, потрясли, пробудили сильнейший интерес к личности Достоевского, к изображению города, где родился, пережил трагедию блокады, голод, смерть семьи. На пятом курсе художественного института появились образы Ставрогина, Рогожина, князя Мышкина... Моделью для князя послужила фотография умершего в блокаду дяди, Прилуцкого, его родственники называли князем Мышкиным.

Эти рисунки принес студент в открывшийся музей Достоевского в Москве. Там встретил автора книги «Петербург Достоевского» Анциферова, служившего консультантом музея, директора Галину Коган, решивших купить иллюстрации студента для экспозиции. Они заплатили максимум, что могли, — 300 рублей. На эту сумму музею давали право делать закупки без ведома начальства. Из музея рисунки попали на Пушечную улицу, где в залах ЦДРИ открылась первая персональная выставка Глазунова.

Когда режиссер Иван Пырьев делал свой знаменитый фильм «Идиот», съемочная группа воспользовалась иллюстрациями начинающего художника. Исполнитель главной роли Юрий Яковлев рассказывал, что благодаря портрету князя Мышкина он вник в образ, представил своего героя воочию. И грим делали по глазуновским иллюстрациям. Только Рогожина почему-то наградили бородой, хотя у Достоевского он ходил без нее. Потом в Москве злые языки распространяли слух, якобы Глазунов выполнил иллюстрации по фильму Пырьева. Но «Идиот» появился на экране в 1958 году, а студент Глазунов побывал в музее до выхода картины.

Перед вернисажем директор дома Борис Филиппов прошелся по залам и снял три работы. На одной был нарисован «черный ворон», ехавший по питерскому проспекту. Из-под захлопнутой наглухо дверцы выглядывал защемленный подол женского платья.

— Илюша, дорогой, сними, ради Бога, этот рисунок, у меня один партийный билет, — говорил добрейший Борис Михайлович,— да и тебе он в будущем пригодится.

Не пригодился никогда.

1959 годом датируется портрет мексиканского художника Сикейроса. Маэстро оставил на рисунке не только автограф, но и выразил на бумаге отношение к творчеству молодого художника в самых сильных словах. Жил тогда Илья Сергеевич на Ленинских горах в общежитии студентов университета, без прописки. До приезда в Москву Сикейрос видел в зарубежных журналах фотографии рисунков Глазунова, знал, читал сообщения из Москвы, что ему не дают ходу. Знаменитый мексиканец-коммунист пожелал познакомиться с этим русским. Переводчицы Союза художников СССР нашли его с трудом в последний день пребывания важного гостя в столице. Встреча состоялась в гостинице «Москва», в номере Сикейроса.

— Не мог бы ты показать мне свои работы, — попросил мексиканец.

Как показать, если нет угла, нет мастерской? Но показ состоялся. На крышке стола

Портрет дочери

за несколько минут Глазунов продемонстрировал то, на что способен, сделав с натуры рисунок сажей, черным жирным углем. После этого действа написал под свежим рисунком Сикейрос такие слова по-испански: «Глазунов — великий художник. И все, кто его принижает, глупцы. Я салютую ему!». Эта надпись адресовалась не столько автору рисунка, сколько тем, кто травил начинающего живописца, не давал работы, прописки в Москве, а значит—и права на жизнь в городе.

Из Иванова, куда выпускника художественного института после успешной выставки в столице отправили учителем черчения, он вскоре уехал со справкой, что в городе надобности в нем нет. «Будешь у нас страдать, как Шевченко в ссылке. Начнут тебя всякие иностранцы посещать, хлопот не оберешься, катись на все четыре стороны!» — сказал ему на прощанье местный умный начальник, дав свободу.

С этой справкой, удостоверявшей, что Глазунов не дезертир, не проигнорировал распределение Государственной комиссии, поехал, куда направила Родина,— возвратился в признавшую его Москву, где появилось много знакомых, приятелей и друзей.

— Кто первый сделал частный заказ?

— Поэт Луговой. Заказал рисунок жены Майи, очаровательной женщины, красивой и благородной. Потом нарисовал пастелью Глезер, жену известного актера Штрауха, который прославился ролью Ленина в кино. Платили мне тогда по сто рублей за портрет. Но заказов было мало. Нанимался поэтому грузчиком, ходил по бойлерным домоуправлений, хотел быть кочегаром, обещали тогда за это жилье в Москве. Одна баба-домоуправ обещала взять на работу, но требовала водки. Носил я раза три бутылку, но кочегаром меня не приняли, обманывала меня та баба. И не только она.

Портретов тогда он сделал много, благодаря им выжил, стал известен. Написал для души с натуры турецкого поэта Назыма Хикмета, актрису Татьяну Самойлову, писателя А.Рыбакова, поэта М.Луконина, поэта Бориса Слуцкого, с ним подружился. Тот сам тогда бедствовал.

Искал встречи с Глазуновым не только иностранец Сикейрос. Жена дуайена дипломатического корпуса княгиня Евгения Оболенская (а мужем ее был шведский влиятельный дипломат Рольф Сульман) пожелала заказать портрет. Чтобы исполнить желание, ей пришлось обратиться за содействием к самому Хрущеву. Отказать в такой просьбе он не мог. Пошла команда министру культуры Фурцевой. Это важный момент в биографии художника. Сеансы состоялись. Княгине портрет очень понравился. Она показала его в своем кругу. Вслед за тем начали поступать заказы от других дипломатов. Первый оплаченный портрет таким образом уехал в Швецию. Начали с тех пор вывозить глазуновские картины в другие страны.

Узнав о контактах портретиста с иностранцами, писатель Василий Ажаев отказался от его услуг. В знак уважения прислал со своего плеча костюм, который очень пригодился в день первого выхода к шведам. Поэт Василий Захарченко, знавший Илью Сергеевича в ту пору, пишет, что ходил он якобы тогда в ботинках, перевязанных чуть ли не проволокой, в брюках с бахромой...

Была одна давняя поездка в Париж. Там ему должен был позировать генерал де Голль, президент Франции, великие актеры Ив Монтан и его жена Симона. Они, как Джина, долго добивались через дипломатические каналы разрешения на поездку Глазунова. Когда же решение ЦК партии состоялось, когда ни Министерства культуры, ни Госбезопасность палок в колеса в СССР больше не ставили, ужасно тогда не повезло: началась злосчастная студенческая революция, стрельба на улицах. Де Голлю было не до портретов. Пришлось вместо президента рисовать его пустой кабинет. И членов французского правительства.

Да, Шарля де Голля Илья Глазунов не написал. Но позировали ему многие титулованные особы: короли Испании, Швеции, Лаоса, великий герцог Люксембургский, премьеры Финляндии, Индии, генеральный секретарь ООН. Писал с натуры Патриарха. Позировал папа Римский.

ТЕПЕРЬ о наших вождях. Леонид Ильич, вручив глазуновский портрет Индире Ганди, захотел иметь свой, кисти Глазунова. Но позировать, как пообещал, то ли не смог, то ли не захотел, пришлось в виде исключения писать по фотографии. Портрет Брежневу понравился, он его велел напечатать в «Огоньке». Там все видели портрет Суслова, с тех пор демократическая общественность простить этот эпизод жизни Ильи Сергеевичу не может. Но знать не хотят, что, когда в издательстве решили пустить под нож первую монографию о Глазунове, именно секретарь по идеологии, этот «серый кардинал», просмотрев приговоренную к смерти книгу, спас ее от гибели. Волжанину Суслову понравились рисунки с видами Волги, после чего помощник секретаря ЦК попросил написать его портрет. Сеансы состоялись. В благодарность «серый кардинал» подарил автору часы марки «Омега», предлагал гонорар, но автор от него отказался. Скажу впервые еще об одном портрете вождя. Позировал Илье Сергеевичу премьер Косыгин. Все эти дорогостоящие работы выполнены безвозмездно. За такими заказами Глазунов не «гонялся». Его просили как мастера. Он делал свое дело. Недавно для Президента России написал по фотографии портрет покойной матери. Он висит в резиденции в Кремле.

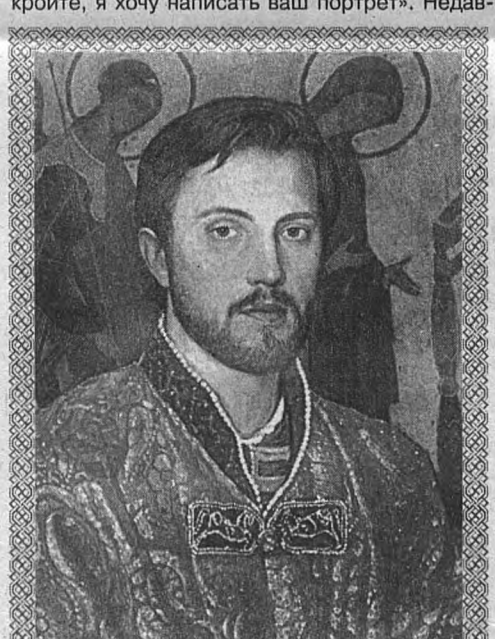
ГЛАЗУНОВ придает особое значение сходству с натурой, которое достигается долгой учебой по известным канонам классической реалистической живописи. Поэтому и создал профессор Глазунов класс портрета, а потом на его фундаменте основал Государственную академию живописи, ваяния и зодчества, став ее первым ректором.

Написав множество портретов, потеряв им счет, Глазунов и сегодня хотел бы запечатлеть на своих холстах многих.

Кого?

— От Борового и Гусинского до Ведерникова и Рихтера. Аллу Пугачеву написал бы, поскольку она является яркой личностью. Для меня главное, чтобы человек был индивидуальностью. Когда-то я делал портрет писателя Бородина, меня за него отчитывали: мол, диссидента прославляю. Сегодня он главный редактор журнала «Москва». Академика Шафаревича писал в пору, когда и он слыл диссидентом. Коротича писал. Люди эти разных политических ориентаций. Разве не интересно написать рэкетира? И в нем выражается дух нашего времени. Я бы с натуры Гитлера, Муссолини и Сталина написал.

Писал я портрет Иосифа Кобзона, это образ эпохи, он не меняется, остается самим собой, это мой друг. Многих, жаль, не успел написать: Маршака, Симонова, Шолохова... Я же не могу стучать в дверь и говорить: «Откройте, я хочу написать ваш портрет». Недавно Юрия Лужкова и Владимира Ресина портретировал, это замечательные люди, они возрождают Москву, храм Христа Спасителя. О его восстановлении я еще в 1964 году писал.



Портрет сына

На подрамнике, у стен, видел новые портреты лиц, мне известных и не известных. Но я не могу их назвать, это заказы личные, частная собственность. А госзаказов по-прежнему как не было, так и нет.

Лев КОЛОДНЫЙ